

Л.Л. Шпаковская

ПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: КЛАССОВЫЕ АСПЕКТЫ

**Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность
и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН; Фонд
«Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 375 с.
ISBN 978-5-8243-1413-7.**

Книга американского историка Шейлы Фицпатрик представляет особый способ обращения к советскому прошлому. Исторический материал, который анализирует автор, позволяет поддерживать необходимую дистанцию, чтобы разглядеть архитектуру социальной жизни, увидеть скрытые или ставшие привычными и обыденными правила социальной игры. Такой подход к историческому материалу помогает развить концептуальное видение, которое затем может быть применено и к анализу современного общества. Книга представляет собой подборку объединенных тематически и методологически статей автора, изданных ранее в ведущих западных журналах на английском языке в 1990-х – начале 2000-х годов (некоторые из них уже были опубликованы ранее в переводе на русский язык). Представленные в книге материалы подобраны в соответствии с логикой исторической последовательности анализируемых в них периодов советского общества (от раннесоветского к постсоветскому обществу), статьи частично переработаны, к ним добавлены: методологическое введение, где рассматриваются проблемы изучения идентичности, а также заключение, в котором автор анализирует способы конструирования постсоветских идентичностей.

Необходимо отметить значение книги с точки зрения переосмысления сталинизма и советской истории. Фицпатрик интересуют вопросы, связанные с тем, как была сплетена ткань повседневного взаимодействия, которая с точки зрения большой истории называлась сталинизмом. Дискурсивно и институционально советское общество может быть описано, в соответствии с метким наблюдением Ильфа и Петрова, как дихотомия мира большого и мира маленького. Фицпатрик рассматривает именно то, как функционировал этот «маленький мир» повседневности и каждодневных коммуникаций, как он оформлялся большим дискурсом, и как большой дискурс перестраивался, использовался и адаптировался в соответствии с нуждами обычных, «маленьких» граждан. Основным фокусом здесь является проблема советской идентичности как точки пересечения большого и маленького дискурсов, большого и маленького миров. При этом сам индивид выступает активным участником конструирования своей идентичности, приспособливая себя к меняющимся социальным условиям. Под идентичностью понимается «самоидентификация и / или самопонимание

в соответствии с принятыми в данный момент категориями социального бытия» [Фицпатрик, 2011. С. 13]. При этом Фицпатрик, в отличие от многих других авторов, рассматривает процессы конструирования индивидуальной, а не коллективной или национальной идентичности.

Эвристическим является обращение автора к драматургической социологии Ирвинга Гофмана, для которого инсценировка собственной личности представляет собой универсальное явление и не имеет ничего общего с мошенничеством: играя роли, люди становятся самими собой, и через эти роли узнают своих партнеров по социальному взаимодействию [Гофман, 2000]. Маски и роли представляют наиболее истинные наши «Я», какими мы хотим быть. Рассматривая работу по производству идентичностей, в которую включены как советские институты, производящие понятийные категории, классификации и стигмы, так и деятельность самих граждан по инсценировке своих личностей, Фицпатрик не затрагивает вопросы субъективного переживания и внутренней работы над собой по производству себя как индивида или субъекта. В этом смысле концептуальный фокус Фицпатрик отличен от подхода Фуко, поскольку ее не интересуют индивидуализирующие практики. Фицпатрик показывает, что в советском обществе индивиды скорее стремились представить себя как членов общностей и социальных категорий.

Безусловно, далеко не все аспекты личности могут быть легко инсценированы в процессе повседневной коммуникации. Социальная идентичность во многом строится «на реальном фундаменте»: генах, внешнем облике, языке, истории [Latin, 1998. Р. 20–21]. Однако нестабильность советских социальных структур и институтов в 1920–1930-е годы открывала человеку простор для их творческой адаптации и переработки. Инсценировка себя в советском обществе часто граничила с самозванством. Если презентация своей личности в соответствии с новыми правилами и классификациями может рассматриваться как естественный процесс, то самозванство представляет собой умышленный обман с целью манипулирования и извлечения личной выгоды. В гофмановской терминологии самозванец является циничным исполнителем. Если одни советские институты работали на производство новых советских идентичностей (бюрократические бумаги, досье, письменные официальные автобиографии, анкеты), то другие были призваны разоблачить обман и самозванство тех, чьи претензии на социальные статусы были основаны на вымышленных основаниях (разнообразные чистки, проверки).

Советское государство предлагало изменчивые дискурсивные и институциональные правила игры, требующие разных социальных ролей и личин; носители их имели наибольшие шансы стать социально успешными игроками. Самая значимая социальная трансформация произошла вместе с революцией 1917 года, когда возникли новые социальные классификации, и прежние маски и идентичности утратили силу. В этих условиях большинство людей столкнулось с практической задачей: необходимо было стереть прежнюю и заново изобрести идентичность в соответствии

с востребованными социальными категориями: «рабочий», «крестьянин-бедняк», «участник гражданской войны», а также дистанцироваться от социально опасных категорий «буржуй», «представитель бывших эксплуататорских классов». Для этого существовала масса возможностей от изобретения новой биографии до публичного отречения от родителей.

Категориальный аппарат нового общества был задан марксистской классовой теорией, взятой на вооружение большевиками как практическое руководство к действию. В соответствии с этой теорией, все общество разделено на два основных класса: рабочих и буржуазии (или представителей бывших эксплуататорских классов). Однако к началу 1920-х годов таких классов в России просто не существовало. Большинство городских рабочих были бывшими крестьянами, не утратившими связей с деревней. В условиях всеобщего обеднения, социальной нестабильности и безработицы они предпочитали возвращаться в деревню, чтобы прокормить себя и свои семьи. Классы дворян-землевладельцев и капиталистической буржуазии исчезли после революционной экспроприации. Ситуация в годы нэпа осложнилась появлением новых социальных элементов.

Таким образом, перед большевиками стояла серьезная задача: было необходимо заново изобрести классы: к «пролетариату» были отнесены промышленные рабочие и их «союзники» в деревне; «буржуазия» представляла собой смесь многих социальных групп, к ней были отнесены бывшие дворяне и капиталисты, а также городские нэпманы и кулаки. Значительная часть общества не имела ярко выраженного пролетарского или буржуазного характера. Меры советской социальной политики, образовательные, бюрократические структуры, а также огромный статистический аппарат работали на то, чтобы отнести индивидов к одному из двух классов, подвергнув процедурам тщательного анализа их прошлое и происхождение, а также предложить им различные возможности (от выдвижения в управленческие элиты, до чисток и репрессий) в зависимости от их классовой принадлежности. Таким образом, вместе с классовым дискурсом и сами классы обрели реальность.

Отсутствие реальных экономических оснований для формирования классов в соответствии с марксистской теорией породило политическую необходимость изобретения специальных процедур приписывания к классу. Фактически, конструирование советских классов представляло собой процедуры агрегации прежних сословных делений. Сами классы были аналогичны сословиям по двум причинам: отнесение к ним осуществлялось на основе социального происхождения индивидов, а принадлежность к ним наделяла разными правами, обязанностями и привилегиями внутри государственной системы. Безусловно, процедуры классового конструирования сталкивались с рядом сложностей, поскольку они должны были учитывать социальные траектории их носителей до и после революции. Например, к какому классу следовало отнести дочь бедного крестьянина, подавшего на завод на заработки в город, а в годы нэпа возглавившего

производственную артель? Или сына сельского священника, отрекшегося от отца, и всю свою взрослую жизнь проработавшего на заводе?

Классовая война была прекращена после 1935 года. Ее окончание провозгласила знаменитая фраза Сталина на съезде стахановцев: «Сын за отца не отвечает». Конституция 1936 года провозглашала отказ от дискриминации по классовому признаку (например, в сфере избирательных прав, правил приема в вузы). Сам Сталин предложил новую формулу классового деления советского общества, в соответствии с которой советское общество состояло из двух неантагонистических классов рабочих и крестьянства, а также прослойки – интеллигенции. Хотя официально классовая дискриминация была прекращена, вопросы социального происхождения и связанных с ними политической сознательности еще долго были востребованы во многих советских социальных институтах.

Трансформации политического классового видения советского общества требовали от граждан постоянной работы по производству и поддержанию своих идентичностей. Редкая биография не имела «пятен» или эпизодов, которые не должны были бы быть сокрыты в зависимости от изменившейся политической ситуации. Каждый гражданин подвергался риску быть разоблаченным или «выведенным на чистую воду». При этом ситуаций, которые могли бы раскрыть «истинное лицо» индивида было огромное множество. Ситуаций, в которых биография работала в качестве социального института, основной функцией которого являлось удостоверение личности индивида с точки зрения его классового лица, было несколько.

Во-первых, советские граждане должны были публично представлять свою биографию во множестве официальных случаев, например, подавая документы в вуз, устраиваясь на работу или проходя периодические персональные проверки госслужащих и членов партии. Процедура публичной презентации биографии включала обсуждение со стороны коллектива и активное участие слушателей, которые могли подвергнуть сомнению факты биографии рассказчика. Далеко не всем удавалось успешно пройти эту процедуру, что влекло за собой последствия для служебного или карьерного продвижения.

Во-вторых, ситуацию презентации биографии и презентации собственной личности представляли всевозможные письменные обращения советских граждан в органы государственной власти, к членам Политбюро, секретарям обкома, а также в газеты, всевозможные государственные учреждения или даже к знаменитостям (писателям, ученым, полярникам). Письма писали, как правило, индивидуально, поскольку письмо с несколькими подписями могло быть расценено как коллективный протест. Фицпатрик подразделяет эти письменные обращения на различные жанры. К таким жанрам относились душевные излияния, «крики о помощи», предложения и советы, а также жалобы, доносы и просьбы. Различия между этими жанрами весьма тонки, и не всегда могут быть однозначно идентифицированы. Письма – душевные

излияния – представляли собой чистосердечные рассказы о сложностях и жизненных перипетиях, с которыми столкнулся автор. Доносы были призваны обратить внимание на нарушения со стороны других граждан или руководства, а также содержали требования принять меры. Письменные просьбы, которые исследует Фицпатрик, были не доступны простым гражданам, поскольку представляли собой важный способ коммуникации внутри патрон-клиентских отношений между представителями партийной элиты, советского руководства и представителей творческой элиты.

Хотя поводом для создания всех этих текстов могла являться практически любая ситуация несправедливости, все они с необходимостью содержали классовую озабоченность авторов. Проявлялась она, например, в связи с тем, что представленные в них нарушители порядка и справедливости оказывались носителями чуждого социального происхождения или политического сознания – «кулаками», «бандитами», «зиновьевцами» и «троцкистами». В других случаях автобиография и классовая позиция выступали легитимирующим основанием для говорения, выдвижения требований или предложений. Как показывает Фицпатрик, обращение к классовой позиции и выступление от имени «правильной» особой идентичности – «сироты», «патриота», «матери», «рабочего» – представляло собой правило успешной коммуникации граждан с властью. Просьбы, письма и доносы, написанные с нужной социальной позиции, имели больше шансов быть услышанными, а помощь клиенту с сомнительного социального происхождения грозила разоблачением самому партийному патрону.

В-третьих, идентичность могла быть представлена непосредственно в автобиографии. Автобиографии в советском контексте часто создавались с целью публикации. Авторами таких публикуемых автобиографий выступали ударники (-цы), стахановцы (-ки), передовики. Эти тексты являлись частью более широкого советского нарратива, общим тропом которого было сравнение жизни «тогда» (то есть, до революции) и «сейчас» (при советской власти). Даже если автобиографии создавались простыми людьми, они обращались к сходным биографическим канонам. Автобиографии, написанные в 1930-х годах женщинами разного социального происхождения, уровня образования, политической ориентации и разных судеб, в данный период имеют общее свойство – это личные свидетельства больших социальных трансформаций, очевидцами которых являлись их авторы. Это стремление создать необходимое классовое и социальное лицо может быть обнаружено, например, в повествовании трактористки-стахановки Паши Ангелиной, которая рассказывая историю собственной социальной мобильности, отмечает то, что она поднималась «не из народа», а «вместе с народом». Во многом такая биографическая стратегия определяется публичностью документа, написанного для широкого круга читателей, и использует советский официальный язык, который подсказывает определенные каноны, клише, сюжеты. Советские автобиографии, авторы которых стремились представить себя

как участников больших событий, сильно отличались от биографий, написанных людьми на Западе в тот же период, в которых авторами, как правило, осмысливался собственный уникальный жизненный опыт.

Проблематика инсценировки себя была актуальна не только в контексте советского общества 1930-х годов, она вновь возникла с прежней остротой в постсоветский период, когда перед гражданами встала необходимость отбросить прежнюю советскую идентичность и изобрести новую, постсоветскую. При этом смысловые ориентиры построения биографии изменились на диаметрально противоположные. Например, поэт Демьян Бедный в своих биографиях советского периода подчеркивал скромность своего социального происхождения. А в биографии, написанной внуком поэта в 1990-е годы, были раскрыты факты аристократического происхождения Бедного, а также неоднократно была подчеркнута принадлежность семьи в высшим кругам советской элиты [Фицпатрик, 2011. С. 346].

Если в советское время основным институтом идентичности была автобиография, представляющая классовую позицию индивида до революции и после нее, то в постсоветское время стал доступен другой репертуар идентичностей и способов их производства. Репертуар новых идентичностей предоставляла западная культура, с которой ассоциировались новые профессии («брокер», «социальный работник», «менеджер», «хакер», «бизнесмен», «программист») и новые формы социальных связей: коммерциализация отношений между полами, вежливость в сфере обслуживания. Новые идентичности задавало и постсоветское открытие «русскости», обращение к дворянским или народным традициям, религии.

Доступные средства для создания новых идентичностей также были кардинально отличными от советских. Прежде всего, новые идентичности могли быть произведены при помощи потребления. Возник совершенно новый социальный класс бизнесменов, который в быденном сознании обозначался как «новые русские». Его представители были вынуждены в буквальном смысле сотворить себя, читая такие деловые журналы, как «Профиль» и «Карьера», обращаясь за помощью к глянцевым журналам, посещая салоны красоты и фитнес-залы. Медиа также работали на производство новых социальных типажей и идентичностей, например, популярная психологическая литература, предлагающая советы по выработке уверенности в себе и оптимизма [Там же. С. 352].

Другие социальные слои теряли свою идентичность. Это касалось, прежде всего, интеллигенции, которая столкнувшись с упадком престижа своих прежних профессий и форм занятости, эмигрировала на запад, мимикрировала, примеряя на себя новые, более востребованные идентичности. Для ее представителей процесс социального перевоплощения был чрезвычайно травматичным, угрожал социальной маргинализацией и бедностью [Там же. С. 348].

Вопросы социальной идентичности, которые рассматривает Фицпатрик в своей книге, не ограничиваются проблемами классового самоопределения. Больше место в ее книге занимает проблематика гендерных идентичностей. В частности, письма во власть, которые писали советские женщины в разные периоды советской истории, показывают трансформации как гендерной советской политики, так и практик гендерной идентификации. Например, если в 1930-х годах женщины писали ходатайства за несправедливо арестованных и обвиненных мужей, то в послевоенное время тональность этих посланий резко изменилась: их авторы призывали органы власти принять меры в отношении неверных мужей. Такое изменение тематики писем от женщин было связано, по мнению Фицпатрик, с усилением контроля над приватностью со стороны государства в послевоенный период.

Как уже отмечалась, книга представляет собой подборку статей, которые частично уже были изданы ранее на русском языке. Кроме того, опубликованные в ней впервые работы на русском языке представляют проблематику анализа социальной структуры советского общества и советской повседневности, которая уже хорошо знакома российским социальным ученым по другим переведенным работам автора [См.: Фицпатрик, 1990; 2001; 2003; 2003]. С моей точки зрения, наиболее ценными в ней являются вводная и заключительная статьи, написанные автором в качестве интеллектуальной рамки книги. Во введении Фицпатрик предлагает концептуальный аппарат изучения идентичностей как способов инсценировки человеческой личности, обращаясь к работам Гофмана, а в заключении предлагает этот подход для анализа постсоветских идентичностей. В целом, книга может быть интересна довольно широкому кругу читателей, поскольку написана живым языком, представляет множество исторических примеров, биографий и архивных материалов; она будет интересна историкам и социологам, преподавателям и студентам, и в целом всем, кому интересно узнать, каково это – быть советским и постсоветским человеком.

Список литературы

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс, 2000.

Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в советской России 1920-х годов // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 16–31.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН: Фонд Первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008.

Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Россия и современный мир. 2003. № 2. С. 133–151.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001.

Latin D. Identity in formation: The Russian-speaking populations in the near abroad. Ithaca: Cornell University Press, 1998.

Лариса Леонидовна Шпаковская

канд. социол. наук, доцент факультета социологии

НИУ ВШЭ Санкт-Петербург

электронная почта: lshpakovskaya@hse.ru

Дж. Литтл

СОВЕТСКАЯ ИНВАЛИДНОСТЬ И КОНСТРУИРОВАНИЕ МАСКУЛИННОСТИ В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

Kaganovsky L. How the Soviet Man Was Unmade: Cultural Fantasy and Male Subjectivity under Stalin. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2008. 256 p. ISBN: 978-0822959939.

В монографии «Как был переделан советский человек» Лилия Кагановская анализирует советские фильмы и литературу в попытке «привнести новый взгляд на культуру сталинизма» [Kaganovsky, 2008. Р. 17–18]. Ее методы раскрытия одержимости мужским телом основаны на психоаналитическом подходе, который использовали Жак Лакан, Джудит Батлер, Лора Мулвей, Ева Кософски Седжвик, Кая Сильверман и Славой Жижек. Основная идея Кагановской построена на том, что советский человек является противоречием. Идеальный сталинист «чрезвычайно силен, но безног и безрук; глубоко предан своему делу, но прикован к постели; он ясновидящий, но в то же время слепой» [Р. 4]. В первой главе «Как советский человек был (пере)делан» автор анализирует автобиографическую повесть Николая Островского «Как закалялась сталь», с Павлом Карчагиным как идеальным социалистическим героем. На протяжении повествования Островский противопоставляет глубокую веру Корчагина в дело партии тем травмам и ранениям, которые он перенес. Эта часть о жертвоприношении человеческого тела советской идеологии в аргументации Кагановской является самым прямым доказательством того, что новый советский человек одновременно силен морально, но слаб физически.

Полемика последующих глав в основном построена вокруг гендерных вопросов. Третья глава посвящена фантазии о кастрации, показанной, согласно Кагановской, в фильме Пырьева «Партийный билет», выпущенном в 1936 году. В четвертой главе говорится о «гетеросексуальной панике». Мужчины пытаются создать исключительно мужское общество, в то время как они вынуждены вступать в традиционные отношения, к которым они либо